

Валентина
АНТОНОВА¹

**НЕЗАБЫВАЕМАЯ
БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА**

Мы с мамой Терентьевой Прасковьей Александровной (1914–1996) всю блокаду прожили в Ленинграде. Мама родилась в большой семье, где была последышом — разница в возрасте между первыми и последним ребёнком была почти двадцати лет. В начале века это было не редкостью. Она была ещё маленькой, когда умерла её мать, и Паня — Прасковья одна осталась с отцом.

Когда же пришла очередь отца уйти на тот свет, он взял слово от старшей своей дочери — та была уже замужем, жила отдельно, у неё уже были собственные дети, — что она не бросит Паню и возьмёт её к себе. Сестра выполнила данное отцу обещание, и Паня (Прасковья) с стала жить в семье Цветковых, нянчилась с малолетними племянниками, помогала сестре по хозяйству, набиралась опыта для будущей самостоятельной жизни.

В семейном альбоме есть фотография Андрея Петровича с дочерьми летом 1941 года. Во время войны Андрей Петрович и его сын Алексей работали на Невском машиностроительном заводе Ленина, находящимся на проспекте Обуховской обороны. Зимой 1941-го — 42-го гг., когда в Ленинграде перестали ходить трамваи, они добирались на работу пешком примерно 7–8 километров в один конец.

Когда мама вышла замуж за Терентьева Дмитрия Ивановича (1917–1.03.1942), то так получилось, что семьи обеих сестёр находились на одной и той же улице — 8-й Советской: Евдокия — в доме 13, а мама — в доме 26. У обеих квартиры находились в подвальных помещениях, сырых и очень холодных. В 1937 году родилась моя старшая сестра Лидочка — она на предвоенной фотографии с папой.

¹ **Антонова Валентина Дмитриевна** родилась в Ленинграде за два года до войны. Все 900 дней блокады и всю последующую жизнь прожила в Ленинграде-Петербурге. Работала во Всесоюзном НИИ нефтехимических процессов. Награждена знаком «Житель блокадного Ленинграда». Пенсионерка. Живёт в Петербурге. На фотографии В.Д. Антонова (слева) с матерью Терентьевой.

Семья Цветковых. 1924 год. Сидит (справа) с ребёнком на руках старшая сестра Пани Евдокия Александровна с дочерью на руках Ниной, Андрей Петрович стоит (в центре), перед ним на стуле стоит их дочь Таусия, справа от него стоит старший сын Алексей. Десятилетняя Паня стоит (вторая слева)

Цветков Андрей Петрович, слева — Таусия, справа — Нина

Терентьев Дмитрий Иванович с младшей дочерью Лидой

Я родилась в конце 1939 года. Когда началась война, отца призывали в действующую армию. Ещё летом — до блокады началась эвакуация жителей из Ленинграда, мама с двумя маленькими детьми подлежала эвакуации, но отец запретил, сказав, что если нам суждено погибнуть, то будем все вместе до конца. В то время никто не верил, что война будет долгой. Вместе с ним жил его брат — Терентьев Иван Иванович с женой Галиной Ивановной

и детьми. Он был инвалидом по туберкулёзу и не подлежал призыву в армию.

Его жена с детьми эвакуировалась, а он из-за оформления каких-то документов не успел уехать с ними и остался в блокированном Ленинграде. Итак, к началу блокады в Ленинграде оставались две семьи родственников — моей мамы Прасковьи Александровны Терентьевой и её старшей сестры — Евдокии Александровны Цветковой.

*Терентьев Иван Иванович
с женой Галиной*

По моей просьбе мама восьмидесятых годах прошлого века продиктовала мне свои воспоминания о жизни в блокированном городе, я их записала и привожу ниже.

Воспоминания Прасковьи Александровны Терентьевой

В начале октября 1941 года немцы близко подошли к нашему городу. Город оказался в кольце блокады. Сначала немцы сбросили зажигательные бомбы на Бадаевские склады, где было продовольствие на несколько лет. Склады горели несколько дней. Потом очевидцы рассказали, что после пожара огромное количество крыс, направляясь к воде, останавливали даже машины...

С первых же дней блокады круглосуточно город подвергался бомбардировке, не дающей покоя ни днём, ни ночью. Недалеко от нас (мы жили на 8-й Советской улице) одна бомба попала на военный госпиталь². От сильного взрыва рухнула середина здания. Многие оказались заживо погребёнными под его обломками. Немцы никого не щадили...

Первые дни блокады я с семьёй, мои две дочери 5-ти и 2-х лет, бабушкой мужа — Ираидой Климоновной и её детьми Иваном Ивановичем (был болен туберкулёзом), Клавдией Ивановной, инвалидом с детства, собирали чемоданы и спускались в бомбоубежище соседнего дома. Позднее перестали часто туда ходить. Бывало, как объявят воздушную тревогу, я укладывала детей ближе к стенке, а сама с краю кровати, перекрещу всех, и ждём конца бомбардировки. Было очень страшно... Жили мы в двухкомнатной

² Госпиталь расположен на углу Суворовского проспекта и Таллинской улицы. *Прим. ред.*

квартире в подвале, ночью скреблись крысы, не было отопления. Было очень холодно и голодно...

В начале блокады для населения ввели продовольственные карточки. Ежемесячно нормы выдачи продуктов снижались. Самые минимальные были на декабрь 1941 года: работающим выдавали 250 граммов хлеба, иждивенцам — 125 граммов, младшей дочери — Валечке выдавали соевое молоко. Чтобы на всех отovarить хлеб, приходилось вставать в шесть часов утра, занимать очередь. Были случаи, когда более сильные отнимали карточку у более слабых. Хлеб был чёрного цвета. Его на всех не хватало.

Первое, что бросалось в глаза: через три месяца блокады в городе исчезли кошки и собаки. С каждым днём стало увеличиваться число погибших от бомбёжки и умерших от голода. Умирили больше старики и дети. Умирили целыми квартирами. Сандружинницы выносили из квартир уцелевших живых детей и определяли их в детские дома, которые старались эвакуировать на большую землю по Ладоге, а позже, когда она замёрзла, по Дороге Жизни.

Голод. Семья была большая — шесть человек, из них — двое инвалидов и двое иждивенцев. Первое время я продавала на рынке всё, что успела справиться до войны. За новое зимнее пальто мне дали несколько килограммов крупы, и я варила на всех крупяной суп. Все жители города так исхудали от голода, что были похожи на дистрофиков, словом, «кожа да кости». Иногда удавалось приехать с фронта моему мужу Дмитрию Ивановичу, который привозил продукты из своего солдатского пайка, при этом просил не забыть и его маму.

Холод. Самая суровая зима, морозы до сорока градусов и выше. Квартира в подвале. Дрова закончились. Приходилось покупать на рынке дрова вязанками для печки.

Фашисты же до того обнаглели, что сбрасывали на город листовки с призывом: «Доедайте бобы, приготавливайте гробы», чтобы сломить дух жителей города.

В это тяжёлое время все заводы и фабрики в городе работали по призыву «Всё для фронта! Всё для Победы!». Я работала на швейной фабрике на 4-й Советской улице, шила одежду для военных. Уходя на работу, крестила детей и свой дом в надежде, что снова всех увижу. Дорога на работу была далеко не безопасной... Однажды, когда шла мимо дома, в который внезапно попала бомба, и он стал рушиться, с верхних этажей полетели стёкла прямо мне на голову. Когда я добежала до работы, вся голова была в крови. В медпункте мне долго извлекали многочисленные стёкла... Слава Богу, что жива осталась!

В самые трудные дни для защиты города я помогала в организации и строительстве огневых точек на верхних этажах многоэтажных зданий. Я таскала несколько кирпичей. Это была очень тяжёлая работа...

Но самое страшное — это зима 1941–42 года с сильными морозами до минус 45 градусов. Транспорт уже не ходил. Улицы опустели. Если человек шёл и падал, то уже не мог подняться, не было сил.

Тяжёлые испытания приготовила для нас война: голод, холод, бомбёжки. Однажды я смогла дойти до дома сестры Евдокии и пришла в ужас: она стояла у буржуйки и варила клей с опилками в кастрюльке. Я закричала: «Дуня, что ты делаешь?». Но она уже ничего не понимала — сошла с ума от голода. Вскоре её не стало.

Ослабели мои родные и дети... В январе 1942 года умерли брат мужа Иван Иванович и его двадцатипятилетняя сестра Клавдия. 15 марта 1942 года умерла бабушка Ираида Климоновна. 18 марта 1942 года умерла моя старшая дочь Лидочка с кусочком хлеба, зажатым в руке. Ей было пять лет. Она всё говорила мне: «Мама, ты не ешь мой хлеб». На что я ей отвечала: «Доченька, да я тебе свой отдам». В эти месяцы были для меня сплошные похороны и потери самых дорогих и близких.

Младшая дочь Валечка уже не ходила ножками. Я отнесла её в Больницу Раухфуса³. Врачи и медсёстры больницы вывели мою дочь, поставили её на ноги.

От голода, холода и бомбёжек зимой 1942 года было много умерших и погибших. Хоронили кого в гробах, а кого в братских могилах. Меня от работы направили на кладбище помочь в захоронении умерших и погибших,

Валя. 1943 г.

³ Детская больница Раухфуса, созданная по инициативе доктора Карла Ивановича Раухуса, при открытии в 1869 году носила имя принца Ольденбургского. Занимает целый квартал между Лиговским и Греческим проспектами и 2-й и 4-й Советскими улицами. Во время войны, когда в блокадном городе пропал свет и перестал работать водопровод, больница Раухфуса продолжала принимать пациентов. Воду для приготовления пищи и для стерилизации хирургических инструментов сотрудники возили на санках из Невы. Для стирки и мытья больных топили снег, а помещения отапливала буржуйками. *Прим. ред.*

которых всё везли и везли на саночках, завернутых в простыню... Помню труп полной женщины без ног...

Хоронить было очень тяжело. Стояли сильные морозы. Земля промёрзла. Одна бригада взрывала землю, другая бригада укладывала трупы, третья бригада закапывала землёй. Работы было много... Спешили с захоронением до весны. Руководство города старались не допустить вспышки эпидемии, которая могла бы начаться весной. От неё было бы некого спасать...

1 марта 1942 года погиб мой муж Терентьев Дмитрий Иванович, защищая блокадный Ленинград. Ему было 34 года. Похоронен он на Пискаревском мемориальном кладбище, где воинские захоронения, могила 107.

В 1943 году начались ожесточённые бои по прорыву блокады города. Наступил день полного снятия блокады и освобождения города от фашистов. Это было 27 января 1944 года. В Ленинграде был салют. Этот день мне не забыть никогда! Мы все радовались и плакали. Но война была не закончена, до её окончания оставалось больше года...

Все эти годы блокады меня не покидала вера, что блокада когда-нибудь кончится и война тоже. Мечтала дожить до конца блокады, до конца войны и увидеть, какая это будет другая жизнь... Я в 28 лет стала вдовой, дочь в пять лет лишилась отца...

Во время блокады умерли пять человек из моей семьи, выжили я и моя младшая дочь Валя! За мой труд по защите города во время блокады я была награждена медалью «За оборону Ленинграда», Вале вручили памятную медаль «Житель блокадного Ленинграда».

Вечная память всем умершим и погибшим в блокадном Ленинграде! Вечная слава защитникам блокадного Ленинграда!

* * *

В маминых документах есть копия похоронки о смерти моего отца, подлинник, вероятно, остался в документах о назначении мне пенсии.

На портале Память народа я нашла информацию о том, что мой отец служил рядовым в 4-м полку, умер 1 марта 1942 года в эвакогоспитале 1359. Дочери Андрея Петровича Цветкова, эвакуировавшиеся из Ленинграда летом 1941 года, выжили в эвакуации. Таисия Андреевна вернулась в Ленинград. Нина Андреевна вышла замуж за военного и жила в Волгограде. Недавно меня навестил её сын со своими детьми, он почитал воспоминания моей мамы, взял себе на память несколько фотографий родных.

Санкт-Петербург